Культура. – 2003. – 8–14 мая. – с. 16

Три сестры

Путешествие детей интерната Малого оперного театра из блокадного Ленинграда в село Сорвижи и обратно

В официальной истории Великой Отечественной войны таким деревенькам, как Сорвижи, не нашлось и вряд ли найдется место: там не случилось громких сражений, да и вообще сражений не было. Но Сорвижи останутся в Истории. Истории человеческих судеб, связанных с самым великим испытанием страны. У войны – много лиц. Самое горестное, самое разрывающее душу, но и самое просветленное – детское. Текст, который вы прочтете, не предназначался для публикации. Это личный документ, пронзительно искренний и точный. Это воспоминания, написанные на память и во имя памяти тех, кого называли "дети войны". Но еще и для Памяти – той самой, всеобщей, которая и делает нас нацией, народом.

Если бы всечеловеческая Память имела сложить с Интернетом, то, чтобы выдала память нижеописанное, странные слова надо ввести в строку поиска:

"Сорвижи… Ленинград… Три сестры… Оперный театр… Сорвижский клуб… Зопушка… Великая Отечественная…"

Антонина, Наталья и Татьяна Волковы: "Мы думали, отправляют на одно лето, а там и война кончится"

22 июня 1941 года в 11 часов утра все радиостанции Советского Союза передали сообщение наркома иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война.

27 июня у Первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии Андрея Жданова состоялось совещание секретарей и членов бюро горкома, представителей Военного Совета. Создан штаб местной противовоздушной обороны, который приказом № 1 установил сигналы воздушной тревоги. Заводам, фабрикам, паровозам и пароходам запрещалось подавать гудки, кроме гудков, оповещающих население о воздушной тревоге.

На совещании принято решение о создании комиссии для руководства эвакуацией населения из Ленинграда, прежде всего детей, а также учреждений, оборудований предприятий и материальных ценностей.

Эвакуация детей осуществлялась отделами народного образования и предприятиями города. Наш интернат был организован объединением Малого оперного театра и театра Ленинградской эстрады.

Возглавила интернат актриса театра и эстрады Ольга Ивановна Лидин-Левкович. Мама актера Кирилла Лаврова. Определили места назначения эвакуированных. Нас решили поселить в Новгородской области, которая тогда считалась безопасным районом.

Детей вывозили по железной дороге. Мы выехали из Ленинграда вечером 5 июля 1941 года.

Дети разного возраста, от маленьких дошколят до старшеклассников. Лето жаркое. Все легко одеты. Зимней вещей с собой не брали, считали – отправляют на летний сезон, а там и война кончится.

Очень скоро иллюзии рассеялись.

Разместившись в вагонах, мы быстро познакомились друг с другом и поехали в далекое путешествие, как старые друзья. Нас было три сестры: Антонина – 13 лет, Наталья – 12 лет, Татьяна – 3,5 года.

На станцию Лычково Новгородской области прибыли на следующий день. Менее суток езды от Ленинграда. Нас ждали, накормили в столовой, разместили на ночлег в здании школы. Было душно, малыши плакали, просились к маме. Мы, старшие, не спали. Лежа на полу, о чем-то разговаривали. Слышали гул самолетов, даже увидели один – пронесся с ревом на бреющем полете. Стояли белые ночи.

Утром ничто не предвещало тревоги. Позавтракали в той же столовой и стали ждать автобусы, на которых нас хотели отвезти на окончательное место жительства – озеро Селигер. Автобусов долго не было. Нас повели на обед.

Навстречу шли усталые, запыленные красноармейцы. Увидев большую толпу детей, с недоумением спросили:

– Вы откуда здесь? Куда направляетесь?

Мы беззаботно и радостно отвечали:

– На озеро Селигер!

– Там же немцы!

Это известие ошеломило. Наши войска отступали.

В спешном порядке нас загрузили в вагоны поезда, и эшелон тронулся. Оказалось, в районе станции Лычково высажен большой немецкий десант. В этом же районе находилось около 6 тысяч ленинградских детей. Большинство из них удалось спасти, но многие дети были расстреляны с бреющего полета. Нашу группу спасло то обстоятельство, что не было автобусов – поэтому нас первым же эшелоном вывезли из Лычкова.

Путь до станции Котельнич продолжался 15 суток. Поезд часто и подолгу простаивал на запасных путях, в тупиках, пропуская эшелоны с ранеными красноармейцами и военной техникой для фронта.

Запаса продовольствия не было. За кипятком старшие ребята бегали на остановках. Хлеб, сушки, супари удавалось купить в железнодорожных ларьках. Все понимали серьезность и ответственность положения и шли навстречу нашим руководителям, чтоб обеспечить нас едой.

Маленькая сестренка Таня плакала, обнимала нас и причитала:

– Кушать хочу, к маме хочу, – и снова плакала.

Наконец Котельнич. В здании деревянного, построенного еще до революции, вокзала нас накормили обедом и очень скоро по Вятке на пароходе отправили в Сорвижи. На пристани густо толпился народ. Нас ждали. На подводах повезли в село. Все удивляло и поражало питерских детишек: крутой берег Вятки, обросший елками и березами, пыльная дорога вдоль реки, подъем на холм, село с деревянными рубленными домами и необычайно красивая церковь.

По селу плача и причитая, нас сопровождали женщины-сельчане. Горе у всех было общее.

Первое место, где нас поселили, – село Кормино. Школьников разместили в здании школы – бывшая каменная церковь, а дошколят – в просторном деревянном доме. Спали на полу, на набитых сеном тюфяках. После долгой дороги хорошо выспались.

Утром, когда вышли на улицу, увидели – нас ожидают местные женщины, которые принесли разную снедь: ватрушки с картошкой, яйца, молоко с творогом. Щедро угощали. Тогда они еще имели эту возможность. Позднее сами жили впроголодь.

В интернате сразу организовали горячее питание. На берегу пруда сложили местные жители из кирпича плиту, а кухарничала певица театра Лидия Петровна Юронова. Варили молочный суп с рисом, кашу из ржаной муки (заваруху), горох, пекли. Рядом с кухней, в молодой рощице, уродилось много грибов, мы их собирали, а Лидия Петровна готовила грибоницу и грибную селянку.

В сельском хозяйстве требовались рабочие руки. Нас научили дергать лен, вязать снопы и ставить их шалашиком. Работали с удовольствием, сознавая причастность к настоящему делу.

Учебный год начали в селе Сорвижи, куда всех переселили. Интернат занимал несколько зданий. Учились в местной Сорвижской школе-десятилетке. Домашние уроки готовили за большим общим столом при керосиновой лампе, иногда при коптилке.

Первая зима была очень трудной. Одеты мы были по-летнему, но постепенно нас обеспечили теплой одеждой, выдали валенки. В этом, конечно, была заслуга нашей Ольги Ивановны и местных властей.

Некоторым детям, в том числе и нам, родители сумели прислать теплые вещи в посылках. Как это удалось, не знаю, но почта работала, связь была даже с блокадным Ленинградом – 8 сентября 1941 года вокруг города сомкнулось вражеское кольцо. Мы жили в ожидании писем от родителей, постоянно бегали на почту. Сами тоже писали домой обо всем. Родители не сообщали об ужасах блокады, тяжело переживали разлуку с нами и утешали тем, что война скоро кончится, что мы должны хорошо учиться и выполнять все, что от нас требуется: слушаться старших, быть опрятными и дружелюбными. Радовались, что мы сыты и здоровы.

1942 год – страшный! Мама из Ленинграда написала, что в марте умер братишка, 15 лет. В апреле умер папа. Оба умерли от голода. Мама умерла в августе. Тоже от голода. Мы остались сиротами. Подобные письма получили и наши товарищи. Горе сплачивало, мы рано взрослели.

Жили в Сорвижах, занимались крестьянскими работами, копали картошку. Выезжали в деревню, поближе к картофельному полю, там квартировали. Днем работали. Начало учебного года перенесли на октябрь.

Жизнь в интернате обустраивалась. Распределили обязанности: носили воду, пилили и кололи дрова, дежурили на кухне, топили баню.

Со временем интернат завел свое хозяйство. Новый директор (Ольга Ивановна уехала к месту эвакуации своего театра) Александра Александровна Кукушкина была женщиной энергичной и предприимчивой. Интернату выделили большой участок пахотной земли. Мы носили навоз, вскапывали, сажали картофель, лук, морковь. Хорошее подспорье – какое-то время кормились овощами со своей делянки.

Интернат завел корову. Молоко давали детям со слабым здоровьем. Приобрели лошадку Савраску, мальчишки ухаживали за ней. Савраска была хорошей помощницей.

Когда жили в Шаранице, Анна Абрамовна, директор школы, организовала праздник 7 Ноября. Для интернатских необычно: кроме торжества в школе, нас пригласили в семьи местных детей-одноклассников. Женщины-крестьянки радушно принали нас, угощали в меру своих возможностей. Мы почувствовали домашнее тепло.

Время шло. В селе Сорвижи проходил призыв молодежи в армию. Устраивали проводы. Призывники разъезжали по селу в розвальнях, распевая частушки:

Скоро, скоро нас погонят
До Котельнича пешком,
Наденут серые шинели,
Подпояшут ремешком.

Мы не знали этих ребят. Кто из них вернулся, кто погиб?

Старших мальчиков из эвакуированных, подлежащих призыву, тоже мобилизовали.

Январь 1943 года. Прорвали блокаду Ленинграда. Город в разрухе. Правительство приняло решение о восстановлении разрушенного. С этой целью из интернатов возвратили старших школьников в Ленинград. Их потом направляли в училища трудовых резервов, обучали профессиям столяров, плотников, штукатуров, маляров. Училища – на государственном обеспечении: форма, питание, общежитие. Наши старшие ребята уехали.

Уехала старшая из нас, сестра, – Антонина.

Жизнь в интернате не сводилась только к учебе. Все свободное время занимались самодеятельностью. Учили стихи о войне: М.Исаковского, К. Симонова, А. Суркова, О. Берггольц. Разучивали песни военных лет. Выступали в клубе на праздничных концертах.

В Сорвижском клубе ставили оперетто-ные спектакли-сказки: "Снегурочка" (роль Снегурочки играла сестра Наташа), "Золушка". Спектакль "Золушка" богато оформили. Под руководством взрослых сшили бальные платья, как в настоящем театре. Из чего шили, где брали материал, не запомнилось. Лишь осталось в памяти – красовались очень нарядные. В спектакле звучала музыка Верди. Пели арии. Исполняли бальные танцы: полонез, мазурку.

Все это разучивали с нами профессионалы из Ленинградского театра эстрады.

В Сорвижском клубе, где ставили спектакли, было всегда полно народу. Нас очень хвалили. Все проходило на таком высоком уровне, что один из сорвижских спектаклей решили показать в Кирове – вывозить на гастроли. Но… Грянула Победа! Планы изменились.

9 мая 1945 года. Очень рано утром, еще затемно, нас разбудил стук в дверь. Лия Таширева, наша подруга, ворвалась с криком:

– Война кончилась!

Радость и слезы.

Радио в Сорвижах не было. Семья Таширевых жила около почты. Они первыми узнали о Победе.

16 июня 1945 года. Уважаем в Ленинград. Пароход на Вятке, отчаливая от сорвижской пристани, дает прощальный длинный гудок. Нас провожало все село, стояли на берегу.

Мы плакали.

Татьяна Смертина: "Букет лютиков – лучшей доярке"

Сорвижский клуб. Где когда-то ставили спектакли эвакуированные… Спектакли ставили здесь и после войны – Шекспира, Островского, "Маленькие трагедии" Пушкина.

Вспоминаю свои школьные годы. Самый разгар постановок Шекспира в Сорвижском клубе. И вдруг новость – настоящие артисты едут в село!

Старожилы, видимо, помня военное время и спектакли эвакуированных, ворчали:

– Сейчас вам настоящие артисты утрут носы, покажут! Вы, малюзга, настоящих еще не видали! Раз не видали настоящих, не умеете на сцене играть по-настоящему.

В клуб набилось народу – не протиснуться. Из Шараницы прикатил автобус со зрителями. Из Кормино и Арбажа приехали. И мы тоже задыхаемся от волнения: поглядеть бы!

Помню актерскую группу (теперь понимаю, шабашили по провинции), не знаю, кто и откуда. Конферансье (под хмельком) вышел на сцену с букетом лютиков и сказал, что после концерта подарит их самой лучшей доярке. Народ у нас добрый, смолчали. Хотя многие подумали: "Сорняки-то…"

Не это главное, а спектакль. Ждали. Стали они разыгрывать юморески – зал не смеется. Ждет. Конферансье за анекдоты, со всякими намеками, из кожи лезет – молчит зал. Чего-то ждут. Наконец пьеса. Без музыки и бальных платьев, не поют, не читают стихов – пьеса про колхозников, про вымаливаемые и надои молока, что не надо убегать из колхоза, сповно вслух газету читают, сорвижане совсем скисли. Народ у нас стеснительный, вежливо хлопают. А лица каменные. Уставший конферансье решил – группа отработала свое, но зал странный. Все же заявил:

– А теперь из моих рук букет самой лучшей доярке.

Наступила тишина. Смотрят, не шевелятся.

Конферансье не вытерпел:

– Друзья мои! Кому букет?

Один мужик встал и поспешил к выходу, да не скоро выйдешь. Конферансье обрадовался:

– Вы куда спешите? Я думал, вы на сцену – слово сказать или за букетом!

Мужик повернулся, растерялся:

– Спасибо. Хороший концерт. Спасибо. Хороший, только пьеса…

– Что пьеса? Задела? Подшепила? – конферансье поднял брови.

– Я не понимаю в пьесах, – забормотал мужик, – ничего не понимаю! Вот если бы…

– Что, если бы? – улыбнулся конферансье.

– Ну если бы Шекспир, тогда понятно. А в пьесах мы не понимаем.

Конферансье, давясь от смеха:

– Шекспир?! И чего из Шекспира вы желаете?

– Гамлета, – сказал мужик упавшим голосом. – Когда он, Гамлет, спрашивает у нас со сцены: "Быть или не быть?", так, бывало, целую ночь об этом думаешь… И чего посоветовать? – мужик бесхитростно развел руками.

До конферансье сразу и не дошло (хотя и после – едва ли), он, не зная, что сказать, увидел бабку на первом ряду и пристал:

– А вам что нравится?

Бабка так перепугалась, что тоненьким голоском выкрикнула с ходу:

– Мне? Это!

– Что – это? – конферансье наклонился к ней со сцены.

– Как перед сном молилась Богу… – уже еле слышно прошептала бабка.

Расходились по домам в потемках. Лютики артисты возле клуба выбросили, где и нарвали.

Многим старожилам не спалось в эту ночь. Что за тоска клубилась в их душах? Какие воспоминания всплывали в памяти?

Прочитав воспоминания трех сестер, не стоит и объяснять.

◊

В заключение – что стало с ребятами из Сорвижского интерната. Они работали на восстановлении города, позднее доучивались в вечерних школах, техникумах, институтах.

Среди интернатовцев врачи – Виктория Иербаневская, Татьяна Волкова (младшая из сестер).

Учителя, преподаватели – Галина Чернобильская, Наталья Волкова (средняя сестра), Маргарита Мартыненко, Валентина Мартыненко.

Из интернатовцев вышли инженеры, деятели культуры Янина Чернявская – музыковед, Юрий Покровский – архитектор, Кирилл Лавров – народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Петербурга. А дебютировал Кирилл Юрьевич на сорвижской сцене, в деревенском клубе. На этой дощатой сцене сыграл свою первую роль в водевиле Сологуба "Сонечка меж двух огней". Вера Костионова – всю жизнь проработала художником-осветителем и реквизитором сцены в Малом оперном театре Петербурга.

◊

Говорят, без прошлого нет будущего. Не знаю, насколько это верно, но уверена, что прошлое побуждает нас к размышлению, обогащает, помогает оценивать настоящее и жить полной жизнью.

Слева: эвакуация детей из Ленинграда. 1941 г. Вверху: К.Лавров в спектакле "Сонечка меж двух огней". Сорвижи, 1942 г. Внизу: О.Гудим-Левкович. 1945 г.

Публикацию подготовила Татьяна СМЕРТИНА